

2007

КОГДА читаешь роман Даниила Гранина «Картина» («Новый мир», № 1, 2, 1980), не раз думаешь о художественной, социальной зоркости писателя. Повествуя о событиях негромких, неброских, Д. Гранин сумел показать через них значительное, то, что незаменимо важно в атмосфере нашей сегодняшней жизни.

Действие романа разворачивается вокруг пейзажа известного художника: пейзаж этот неожиданно оказался собственностью города Лыкова и стал причиной многих важных и драматических событий. А организует действие, приковывая к себе интерес читателя, образ Сергея Лосева, председателя Лыковского горисполкома. Вот уж, действительно, персонаж, которого видишь, можно сказать, осязаешь — с самых первых страниц, когда «торгует» Лосев картину у вдовы художника, играя эдакого бодрячка, рубаху-парня и одновременно против воли своей выказывая глубочайшую душевную взволнованность. И дальше, в течении романа, во многих его обстоятельствах перед нами личность сильная, страстная, человек со своими слабостями, амбициями, но и с прочным нравственным зарядом, со способностью вбирать в себя духовность бытия.

Должность Лосева не только ответственна, но и специфически трудна: он «мэр» города «заштатного, маленького, невидного», оказавшегося в стороне от бурных индустриальных сдвигов. Отсюда и скромный бюджет, и изощренное городское хозяйство, и вечные неутраченные хлопоты; взять то же жилье: хоть и немало строилось, очередь не убывала, и самая жгучая, самая фантастическая мечта Лосева — «чтобы в кабинете у него под стеклом висели ключи от пустых квартир лишнего населенного дома».

Пейзаж художника Астахова «У реки» совсем не вписывается в этот сугубо практический круг. Даже увлекшись им, и привезя его с собой в Лыков, и поспособствовав тому, чтобы по-особому повесили картину в школе (в окно видны Жмуркина завод, старинный дом Кислых, которые послужили некогда художнику натурой), даже совершив все это, Лосев может привычно прикидывать в уме: какие выгоды получит город, если уступить настояниям зампреда облисполкома, отдать картину в областной музей? Выгоды последуют, не застопорится строительство кинотеатра, да и вообще у Лосева «до сих пор... и мысли не было бороться, завязывать какой-то бой» за картину. А вместе с тем всякому читающему очевидно: не отдаст, не уступит Лосев. Ибо в жизнь его вошло — пусть герой пока еще и не сознает этого в полной мере — нечто такое, что далеко перекрывает «блуждание», практические соображения.

Великолепно, вдохновенно описана в романе сама картина — ее таинственный магнетизм (тут явствен гоголевский отзвук), способность открыть прекрасное в привычном каждом лыковцу, непритязательном вроде бы городском уголке, позвать за собой: «Он услышал голос матери оттуда, из-за высокой зелени деревьев: «Серге-ей!» — и привычно побежал на него в глубь этой белой рамы, в глубь этого чудом сохраненного детского дня, казалось бы, навсегда пропавшего, забытого, а нет, вот он блещет, играет, плещется, наполняется звуками... которые он слышал только тогда, мальчишьям ухом...» Не просто мастерский пейзаж,

но — ее таинственный магнетизм (тут явствен гоголевский отзвук), способность открыть прекрасное в привычном каждом лыковцу, непритязательном вроде бы городском уголке, позвать за собой: «Он услышал голос матери оттуда, из-за высокой зелени деревьев: «Серге-ей!» — и привычно побежал на него в глубь этой белой рамы, в глубь этого чудом сохраненного детского дня, казалось бы, навсегда пропавшего, забытого, а нет, вот он блещет, играет, плещется, наполняется звуками... которые он слышал только тогда, мальчишьям ухом...» Не просто мастерский пейзаж,

но — ее таинственный магнетизм (тут явствен гоголевский отзвук), способность открыть прекрасное в привычном каждом лыковцу, непритязательном вроде бы городском уголке, позвать за собой: «Он услышал голос матери оттуда, из-за высокой зелени деревьев: «Серге-ей!» — и привычно побежал на него в глубь этой белой рамы, в глубь этого чудом сохраненного детского дня, казалось бы, навсегда пропавшего, забытого, а нет, вот он блещет, играет, плещется, наполняется звуками... которые он слышал только тогда, мальчишьям ухом...» Не просто мастерский пейзаж,

но — ее таинственный магнетизм (тут явствен гоголевский отзвук), способность открыть прекрасное в привычном каждом лыковцу, непритязательном вроде бы городском уголке, позвать за собой: «Он услышал голос матери оттуда, из-за высокой зелени деревьев: «Серге-ей!» — и привычно побежал на него в глубь этой белой рамы, в глубь этого чудом сохраненного детского дня, казалось бы, навсегда пропавшего, забытого, а нет, вот он блещет, играет, плещется, наполняется звуками... которые он слышал только тогда, мальчишьям ухом...» Не просто мастерский пейзаж,

но — ее таинственный магнетизм (тут явствен гоголевский отзвук), способность открыть прекрасное в привычном каждом лыковцу, непритязательном вроде бы городском уголке, позвать за собой: «Он услышал голос матери оттуда, из-за высокой зелени деревьев: «Серге-ей!» — и привычно побежал на него в глубь этой белой рамы, в глубь этого чудом сохраненного детского дня, казалось бы, навсегда пропавшего, забытого, а нет, вот он блещет, играет, плещется, наполняется звуками... которые он слышал только тогда, мальчишьям ухом...» Не просто мастерский пейзаж,

но — ее таинственный магнетизм (тут явствен гоголевский отзвук), способность открыть прекрасное в привычном каждом лыковцу, непритязательном вроде бы городском уголке, позвать за собой: «Он услышал голос матери оттуда, из-за высокой зелени деревьев: «Серге-ей!» — и привычно побежал на него в глубь этой белой рамы, в глубь этого чудом сохраненного детского дня, казалось бы, навсегда пропавшего, забытого, а нет, вот он блещет, играет, плещется, наполняется звуками... которые он слышал только тогда, мальчишьям ухом...» Не просто мастерский пейзаж,

но — ее таинственный магнетизм (тут явствен гоголевский отзвук), способность открыть прекрасное в привычном каждом лыковцу, непритязательном вроде бы городском уголке, позвать за собой: «Он услышал голос матери оттуда, из-за высокой зелени деревьев: «Серге-ей!» — и привычно побежал на него в глубь этой белой рамы, в глубь этого чудом сохраненного детского дня, казалось бы, навсегда пропавшего, забытого, а нет, вот он блещет, играет, плещется, наполняется звуками... которые он слышал только тогда, мальчишьям ухом...» Не просто мастерский пейзаж,

но — ее таинственный магнетизм (тут явствен гоголевский отзвук), способность открыть прекрасное в привычном каждом лыковцу, непритязательном вроде бы городском уголке, позвать за собой: «Он услышал голос матери оттуда, из-за высокой зелени деревьев: «Серге-ей!» — и привычно побежал на него в глубь этой белой рамы, в глубь этого чудом сохраненного детского дня, казалось бы, навсегда пропавшего, забытого, а нет, вот он блещет, играет, плещется, наполняется звуками... которые он слышал только тогда, мальчишьям ухом...» Не просто мастерский пейзаж,

но — ее таинственный магнетизм (тут явствен гоголевский отзвук), способность открыть прекрасное в привычном каждом лыковцу, непритязательном вроде бы городском уголке, позвать за собой: «Он услышал голос матери оттуда, из-за высокой зелени деревьев: «Серге-ей!» — и привычно побежал на него в глубь этой белой рамы, в глубь этого чудом сохраненного детского дня, казалось бы, навсегда пропавшего, забытого, а нет, вот он блещет, играет, плещется, наполняется звуками... которые он слышал только тогда, мальчишьям ухом...» Не просто мастерский пейзаж,

но — ее таинственный магнетизм (тут явствен гоголевский отзвук), способность открыть прекрасное в привычном каждом лыковцу, непритязательном вроде бы городском уголке, позвать за собой: «Он услышал голос матери оттуда, из-за высокой зелени деревьев: «Серге-ей!» — и привычно побежал на него в глубь этой белой рамы, в глубь этого чудом сохраненного детского дня, казалось бы, навсегда пропавшего, забытого, а нет, вот он блещет, играет, плещется, наполняется звуками... которые он слышал только тогда, мальчишьям ухом...» Не просто мастерский пейзаж,

но — ее таинственный магнетизм (тут явствен гоголевский отзвук), способность открыть прекрасное в привычном каждом лыковцу, непритязательном вроде бы городском уголке, позвать за собой: «Он услышал голос матери оттуда, из-за высокой зелени деревьев: «Серге-ей!» — и привычно побежал на него в глубь этой белой рамы, в глубь этого чудом сохраненного детского дня, казалось бы, навсегда пропавшего, забытого, а нет, вот он блещет, играет, плещется, наполняется звуками... которые он слышал только тогда, мальчишьям ухом...» Не просто мастерский пейзаж,

но — ее таинственный магнетизм (тут явствен гоголевский отзвук), способность открыть прекрасное в привычном каждом лыковцу, непритязательном вроде бы городском уголке, позвать за собой: «Он услышал голос матери оттуда, из-за высокой зелени деревьев: «Серге-ей!» — и привычно побежал на него в глубь этой белой рамы, в глубь этого чудом сохраненного детского дня, казалось бы, навсегда пропавшего, забытого, а нет, вот он блещет, играет, плещется, наполняется звуками... которые он слышал только тогда, мальчишьям ухом...» Не просто мастерский пейзаж,

ЧЕЛОВЕК НЕ СО СТОРОНЫ

Заметки о новом романе Даниила ГРАНИНА

воспроизведение кусочка города видит Лосев: он все больше подпадает под власть настоящего напоминания о прожитом — и им самим, и до него, о непрерывном потоке времени, истории.

Талант живописца выселяет новые искры в лосевском таланте жизнеустроителя. Председатель горисполкома и впрямь выходит на борьбу, на бой, и теперь уже ох какой нешуточный: не картину лишь надо сохранить для Лыкова, а саму Жмуркину завод. Здесь, на «неблагоустроенном» месте, давно числящемся «пятном застройки», не сегодня завтра начнет сооружаться филиал фирмы, делающей вычислительные машины. Событие, радостное для города, но, как теперь очевидно, оборачивающееся гибелью его красоты, а также разрушением зрющего у Лосева замысла создать заповедную зону «русской старины, провинциального быта». Между тем перенос строительства даже на несколько километров (что Лосев предлагает) требует многих усилий, надо изменить проект, давно утвержденный республиканскими инстанциями...

В сложных перипетиях развернувшейся борьбы мы не раз ощущаем человеческую неоднозначность и яркость Лосева, в некоторых моментах им просто любуешься (инцидент с Костей Анисимовым, самочинным защитником заводи, или решительные, умные действия, предотвращающие разрушение дома Кислых). Подоснова же всех этих событий определяется стремлением писателя представить процесс нравственного, духовного обогащения героя. Все тверже проникаясь сознанием своей правоты, справедливости занятой позиции, Лосев одновременно все больше освобождается от прагматической узости, от тенет формальной ограниченности. Это тем более знаменательно, что и прежде-то вряд ли кто, зная Лосева, посчитал бы его руководителем казенным, бездуш-

бегал к ней в библиотеку), скромница; даже несколько странно было, что просит чего-то для себя. Однако время шло, хлопоты Лосев откладывал за более нужными делами, стал подзабывать о них: «всегда считалось, что она подождет»... А когда все-таки удалось договориться в области о прибавке, оказалось, что это уже не нужно: тяжело болевшая, требовавшая особого ухода мать Любови Вадимовны умерла, сама же она по-прежнему ни на что не претендует.

История частная, «лирика»... Как и астаховский пейзаж, все, что с ним связано. И здесь, и там суть дела не измеришь в тоннах, метрах, рублях (хотя именно о них просит Любовь Вадимовна и именно они — камень преткновения для проектировщиков)... Стремиться к душе человеческой, уметь ей помочь, поддержать добром — вот задача, от которой никто не вправе откешиваться. «Ведь это счастье, что появилось что-то удивительное», — говорит о картине, об обретенной красоте учительница Таня Тучкова. И если широко смотреть на мир — а этим овладевает, к этому приходит герой романа, — то получается, что и картина, и судьба Жмуркиной заводи, и лишней (такой необходимой!) разговор с Любовью Вадимовной, о котором не подумал Лосев, — все имеет значение в борьбе за счастье, составляющей саму основу нашего государственного бытия.

Содержание, пафос романа «Картина» выходят, таким образом, к насущнейшим проблемам времени — времени, когда все многограннее проявляются гражданские, гуманистические принципы, все глубже и плотнее пронизывают собой повседневную жизненную практику. Думая о счастье людей, каждого человека, общество зрелого социализма берет на себя заботу не только о материальном производстве, но и о наследовании всего прекрасного, что дала нам природа, что сохранила для нас история. Общество заботится о максимальной наполненности духовной жизни, горизонты которой должны вмещать в себя все истинные ценности культуры, исторического народного опыта. Скромны масштабы города Лыкова, и Жмуркина завод, защита которой трактуется героем и самим писателем как первейшая необходимость, — это, понятно, не Байкал. Но, читая роман, вспоминаешь о Байкале. Не можешь не вспоминать.

Д. Гранин стремится показать, а подчас хотя бы назвать, обозначить некоторые существенные причины и обстоятельства, затрудняющие достижение жизненной гармонии. Мы встречаемся с этим и в основном, современном действии, и в главах-ретроспекциях, воспо-

гневному отношению к болтовне, манипуляциям с показателями, некачественной работе! И в то же время странное, мягкое, говорящее, сопряжение: раз столько еще проблем, до красоты ли, до художников, которых слишком много развелось?..

Роман Д. Гранина и этой, и рядом других своих линий вторгается в незатихающие споры о качествах делового человека, управленца, и делает это веско, на оригинальном материале. Нельзя не разделить, в частности, заботы писателя, выступающего против такой практики, когда субординационность мышления преграждает путь истине, авторитет личности подменяется, исчерпывается авторитетом должности.

«...Нет, человека подсчитать невозможно...» В этой фразе, брошенной как-то Лосевым, отражена одна из коренных мыслей романа. Писателю очень важно утверждение человеческой, жизненной незапрограммированности. Недаром так много в нем непредсказанных поступков, неожиданных поворотов, внешне разделенных, но внутренне спаянных причин и следствий. Взять хотя бы старика Поливанова с его самозабвенной заботой о сохранении исторических ценностей — он, Поливанов, в свое время рьяно эти ценности разрушал. Или такой важный эпизод в конце, как приезд Орешникова, крупного руководителя из центра, к которому опасались обращаться: непременно откажет в изменении проекта. Орешников же оказывается человеком, вполне способным понять соображения лыковцев...

Есть, однако, в романе моменты, когда избранный автором, дорогой ему принцип начинает вдруг приобретать иную, не вполне естественную форму выражения. Возникают детали, эпизоды, призванные не проявлять, а холодно демонстрировать всякого рода противоречивость, неоднозначность. Возникает психологическая, а то и этическая нечеткость. Скажем, первое появление в романе Тани Тучковой сопровождается упоминанием, что она, прося у Лосева разрешения посмотреть картину, от смущения «потно пылала». Позже мы убеждаемся, что Таня отличается как раз завидной независимостью, достоинством: к тому же в жизни Лосева ей суждено сыграть самую светлую, одушевляющую роль. Зачем же понадобились эти неприятные детали — только затем, чтобы первоначальное впечатление потом изменилось? Подобной избирательной нарочитостью не обойден в иных случаях и сам Лосев. «...Этот Астахов, может, в один день ее нарисовал и раскрасил», — внутренне негодует герой, когда узнает о большой цене, установленной за картину. Цель автора опять

Снова неожиданность, незапрограммированность?.. Нет, скорее необоснованная дань этому, дань, вступающая в противоречие с художественной правдой, с содержанием романа.

Впрочем, автор «Картины» оставляет, кажется, нам некие надежды. «...Полагаю, что он вернется... Потому что обстоятельства именно такого человека потребуют!» Примечательно, однако, от кого исходит это пророчество — от Матвея, местного философа, а проще говоря, забулдыги: больше о Лосеве говорить в городе некому.

И потом, что значит — «потребуют»? Отчего будущее время? Обстоятельства требуют, настоятельно требуют Сергея Лосева: дел для него непереворот.

Это ведь в первую очередь и доказал Д. Гранин своим романом. Доказал интересно, ярко, граждански взволнованно. Борьба, которую вел герой романа, многое говорит нам о силе партийной убежденности, социальной активности, о том, как нравственно обогащается человек, чувствующий себя звеном в историческом движении Родины, сознающий неразрывную связь прошлого, настоящего, будущего.

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
Г. МОСКВА
22 АПР 1980